

Глава 43. Каша восьми сокровищ (часть 2)

—

В полдень двери ресторана открылись.

Гу Танцзинь специально написал новые вывески с ценами и повесил их на стену.

Всего появилось четыре новых таблички: «Тушёное яйцо в маринаде — 4 вэня за штуку», «Тушёное мясо в маринаде — 30 вэней за полцзиня», «Тушёные овощи в маринаде — 10 вэней за полцзиня» и «Каша восьми сокровищ — 8 вэней за пиалу».

— Мясо и овощи лучше поставить прямо на стойку, чтобы приходящие гости сразу их видели и я мог быстро накладывать. Они выглядят так аппетитно и ярко, что их обязательно захотят купить, — предложил Гу Танцзинь.

Остыв, тушёное мясо и овощи уже не так сильно благоухали, однако их сочный красноватый цвет так и заставлял течь слюнки.

— И то правда! Если оставить всё на кухне, никто и не увидит. А если кто-нибудь, как я раньше, вообще не знает, что такое лужоу, продать его будет совсем непросто, — сообразил Цзи Жунся и посчитал этот замысел отличным.

Он отыскал два глиняных таза и отдельно разложил тушёное мясо и овощи.

Лёгким шагом Цзи Жунся понес таз, в котором лежало больше двадцати цзиней тушёного мяса, в обеденный зал.

Гу Танцзинь шёл следом за ним с другим тазом, наполненным тушёными овощами.

— О-о-о! Вот оно, вот оно! А почему вы продаёте эти два таза? — едва завидев тушёное мясо, поспешно выкрикнул Чжу Пэнъи.

Цзи Жунся на миг опешил, но тут же с улыбкой ответил:

— Это тушёные блюда в маринаде. Мясо — тридцать вэней за полцзиня, овощи — десять вэней за полцзиня. А яйца идут поштучно: четыре вэня за штуку.

В мясном тазу лежали курятина, утятина, свинина, немного свиной шкурки да десяток яиц.

Овощной же таз ломился от тофу, грибов, корня лотоса и жареного тофу.

Чжу Пэнъи причмокнул:

— Дай-ка мне пять яиц, три цзиня мяса, по цзиню каждого вида, да два цзиня овощей. Всё с собой.

— Подождите минутку, — Цзи Жунся сбегал на кухню и вынес черпак, пару палочек, пачку промасленной бумаги, несколько сухих листьев лотоса и куски бечёвки.

— Давай я сам, — предприимчиво вмешался Гу Танцзинь.

Цзи Жунся передал ему палочки и черпак и со спокойной душой вернулся на кухню.

— Вам любое мясо? Нет ли каких запретов в еде? — спросил Гу Танцзинь, указывая палочками на таз с мясом.

— Любое, любое! Главное, курятины и свинины побольше клади, — ответил Чжу Пэнъи, мысленно отмечая, что его господин в еде совершенно неприхотлив.

Гу Танцзинь откликнулся, вытянул два листа промасленной бумаги, за пару движений сложил их в подобие коробки, выстелил дно двумя слоями лotosовых листьев и принялся накладывать мясо.

Оценив вес на глаз, он достал небольшие весы, поставил бумажную коробку на чашу, а на другой конец зацепил гирьку.

Когда противоположный конец весов опустился, Гу Танцзинь добавил еще пару кусков мяса.

Гирька слегка приподнялась — значит, мяса вышло чуть больше трёх цзиней.

Только тогда Гу Танцзинь снял коробку, быстро её упаковал и обвязал бечёвкой.

Точно так же он набрал и овощей.

— Побольше лotosового корня положи, мой господин его страсть как любит, — попросил Чжу Пэнъи.

Гу Танцзинь кивнул и подложил побольше лotosовых ломтиков.

Яйца он завернул отдельно.

Закончив, Гу Танцзинь произнёс:

— С вас всего двести сорок вэней. За бумагу и лotosовые листья денег не беру. Держите. Ешьте поскорее, на жаре еда быстро портится.

— По рукам! — Чжу Пэнъи бойко отсчитал и вручил Гу Танцзиню двести сорок вэней.

Парень накладывал и взвешивал всё прямо у него на глазах — сразу видно, честный человек. Чжу Пэнъи подумал, что не зря отмахал такой круг с юга города на восток.

— Э-э, молодой хозяин, а у вас тут ещё и каша бабаочжоу есть? Нынче ведь не праздник Лаба, — Чжу Пэнъи уже собирался уходить, но случайно бросил взгляд на новую табличку на стене и не сдержал любопытства.

Гу Танцзинь достал счётную книгу и быстро занёс туда запись о покупке:

— Вовсе не обязательно ждать праздника Лаба, чтобы поесть каши.

— И то правда, — Чжу Пэнъи глянул на счётную книгу и мысленно подивился: надо же, какой каллиграфией обладает этот молодой хозяин! Почерк размашистый, изящный, красивее, чем у его господина.

Закончив запись, Гу Танцзинь поднял голову и, заметив, что Чжу Пэнъи разглядывает записи, тут же захлопнул книгу.

Только тогда Чжу Пэнъи опомнился и смущённо произнёс:

— Э-э... налей-ка мне ещё две пиалы каши.

— Вы без посуды? Если брать с собой, нужен бамбуковый стакан. Один стакан стоит один вэнь. Будете брать? — спросил Гу Танцзинь.

— Буду, — немного подумав, согласился Чжу Пэнъи.

Давно он не ел каши восьми сокровищ, даже соскучился. Отнесёт господину — тот тоже обрадуется.

Гу Танцзинь кивнул и крикнул Яо Тяньлань, что гость просит ещё две пиалы бабаочжоу.

Яо Тяньлань сразу пошла на кухню.

— Ся-гэр, налей две пиалы бабаочжоу, гость хочет взять с собой! — донёсся её голос ещё до того, как она вошла.

Цзи Жунся обрадовался:

— Надо же, так быстро кто-то захотел каши!

Он поспешно отыскал два чистых бамбуковых стакана, зачерпнул каши, плотно закрыл их бамбуковыми крышками, а затем взял кусок бечёвки, за пару движений сплёл простую сеточку-сумку, вложил туда стаканы и передал Яо Тяньлань.

Яо Тяньлань быстрой походкой вернулась в обеденный зал:

— Вот, держите кашу.

Чжу Пэнъи увидел, как ловко прилажены бамбуковые стаканы — нести удобно, и можно не бояться пролить кашу. Он достал восемнадцать вэней и отдал Гу Танцзиню.

Только открылись — и сразу такая крупная сделка! Яо Тяньлань была вне себя от радости.

Понемногу в ресторан стали подтягиваться и другие посетители. Каждый, входя в дверь, невольно бросал взгляд на бросавшийся в глаза глиняный таз и тут же разочарованно вздыхал:

— Эх-хе-хе, а я-то думал, там фруктовый напиток стоит! Чего это там мясо лежит?

Оказалось, эти глиняные тазы были точно такими же, в каких подавали фруктовые напитки.

Постоянные гости надеялись прохладиться напитком, а увидели мясо. Но как бы там ни было, внешний вид тушёного мяса и овощей привлёк внимание многих.

— А мясо-то выглядит аппетитно. Может, купим немного на пробу?

— Тридцать вэней за полцзиня! Да там ещё курятина, утятина и свиная шкурка... Сколько та шкурка стоит? Дороговато получается.

— Выглядит вкусно, чего ж не взять? Давай хоть пару лянов* возьмём на пробу!

[*Лян (两, liǎng) — это традиционная китайская мера веса, которая также служила денежной единицей; её значение варьировалось, но сейчас в материковом Китае один лян равен 50 граммам (1/10 цзиня).]

— Лучше давай овощей купим.

Но стоило покупателям попробовать — солоноватое, острое, невероятно ароматное мясо и сочные, аппетитные овощи отлично шли с рисом! Некоторые, даже не доев, снова подходили к стойке за добавкой.

Слово за слово — и тушёные в маринаде овощи с мясом разлетелись вмиг!

— Господин, я всё купил! Жара страшная! — Чжу Пэнъи, утирая пот рукавом, быстрыми шагами вошёл во внутренний дворик управы, где жил уездный магистрат.

В задней части уездной управы располагались жилые помещения для магистрата и стражников.

Но в таком маленьком уездном городке и сама управа была невелика — откуда там взяться просторным дворам?

Дворик, где сейчас жил У Баоцянь, не считая отхожего места и кухни, насчитывал всего три комнаты.

Прежний магистрат здесь вообще не жил.

Сейчас же тут расположились У Баоцянь и Чжу Пэнъи — вдвоём им места вполне хватало.

У Баоцянь приехал на службу первым, намереваясь сначала купить усадьбу, уладить все дела по службе, а уж потом перевезти всю свою большую семью: фулана, детей, родителей, братьев с невестками и сестер с зятьями.

— Пришёл, пришёл! — У Баоцянь шустро выбежал навстречу. — Лао Чжу, наконец-то! Я уж от голода совсем исчах, живот к спине прилип!

Чжу Пэнъи мысленно усмехнулся: с комплекцией их господина исчахнуть от голода было не так-то просто.

— Господин, сегодня там ещё каша восьми сокровищ была. А по дороге я ещё пару маньтоу прикупил, — Чжу Пэнъи вошёл в комнату и расставил еду.

У Баоцянь со всех ног сбегал на кухню и принёс две пары палочек.

— О, ещё и бабаочжоу! Отлично, отлично! — У Баоцянь потёр руки, тут же уселся, откупорил бамбуковый стакан и сделал первый глоток.

Каша была приятной теплоты, не горячая — в самый раз для еды. Мягкая, сладкая, крупы и бобы подобраны идеально: различные ароматы риса сливались в единое целое, но при этом угадывался вкус каждого ингредиента.

— Вкусно-то как! Вкусно! — У Баоцянь съел кусочек тушёного мяса.

Да, именно этот вкус! Он всё утро только о нём и думал.

Мясо оказалось всё таким же восхитительным.

Взяв маньтоу, У Баоцянь быстро утолил первый голод и лишь затем стал есть более чинно.

— Господин, вы бы ели поменьше. Приедет госпожа, увидит, что вы поправились, и снова меня ругать станет, — прямодушно предостерег Чжу Пэнъи.

— Эх, у меня только и есть что эта радость. Если ты и её у меня отнимешь, мне хоть сейчас иди да головой о столб бейся, — У Баоцянь и ухом не повёл, продолжая аппетитно уплетать еду.

Приезжая в уезд Цинчи, У Баоцянь рассчитывал остаться здесь до конца своих дней.

Он происходил из категории «тун цзиньши» (третий ранг сдавших императорские экзамены), связи не имел, родом из обычных крестьян-пахарей. По-хорошему, такому, как он, пришлось бы ждать годами, чтобы получить хоть какую-то должность. Но лет десять назад империя Даянь только зарождалась, везде требовались люди, и его назначили магистратом в один из самых бедных уездов на северной границе.

Магистраты бедных уездов редко переводились каждые три года — многие так и просиживали там всю жизнь.

У Баоцянь, намереваясь обосноваться там всерьёз, старался изо всех сил. Пахотных земель там почти не было, и он, отвешивая поклон за поклоном, кое-как занял денег у немногих местных богачей. Рабочих рук не хватало — так он перевёз всех своих братьев и сестёр на помощь. Потратив два года тяжкого труда, они проложили несколько просёлочных дорог для проезжих торговцев, а сам он, любитель поесть, вместе с поваром придумал немало сытных и долго не портящихся сухих пайков.

Со временем проезжие купцы всё чаще стали останавливаться в их городке, а в уезде образовался рынок для мелкой торговли купеческих караванов.

Слово за слово — и уезд начал жить всё богаче. Вся его семья привыкла к суровому Северному краю и думала пустить там корни.

И тут его перевели!

Оказалось, его успехи приглянулись кому-то из высших чинов, и тот решил присвоить себе его заслуги.

Впрочем, влиятельный покровитель вредничать не стал: разрешил ему выбрать уезд получше и пообещал взять под крыло и продвигать по службе, если тот снова проявит себя.

Десять лет тяжких трудов — и снова всё с чистого листа.

Семье У ещё повезло: во времена смуты их края оказались местом взлёта нового Императора, так что ужасов войны они не знали. У Баоцяня был кое-какой талант к наукам, его заметил учитель, благодаря чему он и смог выучиться. Сдача экзаменов почти в сорок лет отняла у него кучу сил, а тут ещё десять лет службы — сейчас ему шёл уже шестой десяток.

У Баоцянь просто устал. Он больше не помышлял о высоких чинах и выбрал уезд Цинчи с его плодородными землями неподалёку от родных мест, планируя пустить корни и спокойно дожить свой век.

Кто же знал, что в уезде Цинчи найдётся такое восхитительное тушёное мясо! Теперь он окончательно убедился, что с выбором уезда не прогадал.

Каша восьми сокровищ распродалась не вся, кое-что осталось, и в обед Цзи Жунся с родными доели её сами.

В летний зной совсем не хотелось горячего, поэтому Цзи Жунся сделал из оставленного мяса холодную закуску.

Готовилась она просто: лужоу нарезалось мелкими кусочками, лук — соломкой, сельдерей бланшировался в кипятке, а затем всё заправлялось капелькой кунжутного масла и уксуса.

Ложка каши, ложка холодной закуски — невероятное объедение!

Тушёные блюда раскупили ещё в обед, так что на вечер ничего не осталось.

Гуань Хунчи, пришедший за шкуркой, остался ни с чём.

Он лишь вздохнул:

— Эх, Ся-гэр, ты завтра побольше приготовь. А я-то думал, мы ведь соседи, в любое время зайду да куплю. Совсем забыл, что твоя стряпня разлетается вмиг — чуть опоздаешь, и даже хвостика не останется!

— Так ведь жара на улице! Я впервые продаю лужоу, разве смел делать много? А ну как испортится? Раз сегодня всё так хорошо разошлось, завтра я и приготовлю побольше. Скажи, старший брат Гуань, разве я не прав? — ответил Цзи Жунся.

— Твоя правда. Тогда завтра я приду пораньше, — Гуань Хунчи помахал своей большой пиалой и ушёл.

Цзи Жунся подумал, что надо попросить Танцзиня снова сходить к мяснику Е и заказать побольше свинины.

Гу Танцзинь откладывать не стал и пораньше отправился к мяснику Е.

— В такую жару у других ресторанов дела идут из рук вон плохо, а тебе, Гу-сючай, мяса требуется всё больше! Будь спокоен, я всё доставлю в лучшем виде, мясо гарантированно будет самым свежим, — обрадовался такому крупному покупателю мясник Е.

— Премного благодарен, — Гу Танцзинь сложил руки в приветственном жесте и ушёл.

Нынче темнело поздно, и когда ресторан закрывался, на улице ещё было светло. Посоветовавшись, Гу Танцзинь и Цзи Жунся решили воспользоваться светлым временем суток и провести семью Цзи.

Издали Цзи Жунся заметил знакомую фигуру.

Он наклонил голову набок, пытаясь вспомнить, кто же это.

Тот человек тоже заметил их. Увидав Гу Танцзиня и Цзи Жунся, он изменился в лице и ускорил шаг, нырнув в ворота дома семьи Чжан.

Да так резво, словно боялся погони!

Только когда за ним захлопнулась дверь, Цзи Жунся с изумлением вспомнил: разве это не Чжан Энъяо!

Цзи Жунся посмотрел на Гу Танцзиня.

Гу Танцзинь узнал Чжан-туншэна куда раньше. Но пока Ся-гэр молчал, Гу Танцзинь тоже ничего не говорил.

Ся-гэр узнал Чжан-туншэна?

Гу Танцзинь невольно немного напрягся.

И тут же услышал, как Цзи Жунся с озарением произнёс:

— Неужели он испугался, что мы его побьём?

До Цзи Жунся внезапно дошло, отчего тот так припустил!

— И кто это собирался его бить? Разве мы похожи на людей, которые стали бы ни с того ни с сего драться? И откуда у этого парня столько трусости?

Сейчас Цзи Жунся был безмерно благодарен маленькому мастеру. Если бы тот не устроил ему тогда «болезнь», расторжения помолвки бы не видать!

Гу Танцзинь не удержался и тихо рассмеялся. Так вот о чём подумал Ся-гэр!

— Ну всё, не кипятись, — утешил он.

— Ладно, — Цзи Жунся как быстро вспыхивал, так же быстро и отходил, снова повеселев.

Вдвоём они пришли к дому семьи Цзи.

Хун Юэлянь встретила их с улыбкой:

— Пришли про покупку земли расспросить?

— Мама у нас всё знает! — Цзи Жунся тут же прижался к матери, подлизываясь.

— Такой большой уже, а всё липнет в такую-то жару, — со смехом оттолкнула его Хун Юэлянь и зазвала гостей во двор.

Дворик по-прежнему сиял чистотой.

— Цао-гэр с Сяо Хэ в комнате ткань ткут, на улице уж больно жарко, — Хун Юэлянь указала на комнатку, где раньше жил Цзи Жунся. — Твоему гэ-фулану сейчас долго сидеть нельзя, вот ткацкий станок и перенесли сюда, чтобы двое детей могли ткать в свободное время. А они, надо сказать, умельцы — ткут куда лучше меня!

— Вижу, руки у них золотые, а нам самим столько ткани без надобности, вот я и нашла им работу: беру в лавке семьи Ли нити, а они дома ткань делают. За один рулон дают по пятьдесят вэней! Денег я с них не беру, пусть себе оставляют — будут с собранными медяками увереннее себя чувствовать. Так они теперь по дому порхают с ещё большим старанием, во дворе ни единого камушка не сыщешь!

Хун Юэлянь делилась бытовыми новостями, увлекая их в главную комнату.

— Ой, мама, а где отец с братом? И где гэ-фулан? — огляделся Цзи Жунся, поставив корзинку,

и недоумённо спросил.

Хун Юэлянь ответила:

— Отец с братом поехали отвозить готовую повозку, вернутся немного позже. А гэ-фулан твой прилёг — его в последнее время постоянно в сон клонит.

— А-а, понятно. Мама, тут у меня немного лужоу, поешьте, — не застав родных, Цзи Жунся пододвинул корзинку.

Хун Юэлянь подала им две пиалы чая:

— Пришли — и ладно, в следующий раз ничего не приносите.

— Мама, а про землю ты для меня разузнала? — Цзи Жунся перевёл разговор на главное.

— Про твои дела матери ли не позаботиться? Даже гэ-фулан твой помогал расспрашивать, — присела Хун Юэлянь. — В его деревне как раз две семьи собираются земли продавать: одна хочет продать средние участки, чтобы купить плодородные, а у другой внук с азартными играми связался, задолжал, вот и продают наделы, чтобы долги выплатить...

Хун Юэлянь перечислила сразу шесть мест с участками.

Из них лишь семья Лу из деревни Хэшуй, продававшая землю из-за болезни сына, совпала с тем, что рассказывал старший стражник Тао.

— К тем, кто с картами да костями связался, мы даже заглядывать не будем. А вот остальные варианты и те, что разузнал стражник Тао, мы с Танцзином хотим осмотреть, — Цзи Жунся запомнил все названные матерью места.

— Хорошо. Как подберёте день, я попрошу брата сходить с вами. Сам-то он не силён в этом, но по округе с плотницким делом наработался, все дороги вдоль и поперек знает. Если пойдёте одни — только дороги искать замучаетесь, а с ним куда проще будет, — напутствовала Хун Юэлянь.

Мать была права, поэтому Цзи Жунся и Гу Танцзинь спорить не стали.

Они просидели недолго и ушли до наступления темноты.

Позади был хлопотный день, но Цзи Жунся всё ещё был полон сил.

Однако стоило Гу Танцзиню усадить его за учёбу, как Цзи Жунся мгновенно приуныл, словно побитый морозом росток капусты!

— Кстати, я забыл спросить: какую выгоду ты получил на этот раз? — обучив его десятку иероглифов, с улыбкой заговорил Гу Танцзинь.

Услышав этот вопрос, Цзи Жунся, который только что отчаянно зевал с кистью в руке, мгновенно взбодрился!

— Помнишь мой маленький фокус «Превращение испорченного в нечто необыкновенное»? Сегодня он поднял уровень! Теперь каша, которую я варю, получается необычайно вкусной! И надо же такому случиться — мне как раз сейчас нужно подбирать приправы к бабаочжоу! — с гордостью выложил Цзи Жунся.

— Поражать щит его же копьём? — переспросил Гу Танцзинь.

Цзи Жунся хлопнул в ладоши:

— Вот-вот, именно! Я могу использовать полученный от маленького мастера навык, чтобы выполнять его же задания!

Гу Танцзинь понимающе улыбнулся:

— То-то Ся-гэр так радовался. Нынче ты непременно одержишь верх и подберёшь идеальный рецепт каши восьми сокровищ.

— Ещё бы! Вот увидишь. Я тебя потом угощу кашей с кукурузой — там зёрна такие большие, куда крупнее обычного риса! — Цзи Жунся отложил кисть и, подперев щёки руками, весело расхохотался.

Гу Танцзинь убрал бумагу и кисти:

— Ну тогда отправляйся. На сегодня этих иероглифов вполне достаточно.

— Ура! — Цзи Жунся вскочил со скамьи, удрал от письменного стола и ловко забрался на кровать.

—

<http://bllate.org/book/17885/1753347>